

Н. А. Мартюшева

А. М. РЕМИЗОВ И ПЕТЕРБУРГ

Алексей Михайлович Ремизов – выдающийся русский писатель, один из создателей «петербургского текста» и в этом смысле продолжатель Пушкина, Гоголя, Достоевского. Москвич по происхождению, он 16 лет (с 1905 по 1921 год) прожил в Петербурге, отразив в своих произведениях совершенно особый, ни на что не похожий, своеобразный образ города, представив его в самых разных плоскостях – временных, социальных, культурных, бытовых... Нет почти ни одного произведения Ремизова, где бы не прозвучала тема Петербурга. Со страниц его романов, рассказов, эссе, воспоминаний предстает город, увиденный глазами москвича.

Алексей Михайлович родился 24 июня 1877 года в ночь на Ивана Купала, «когда в полночь цветет папоротник, и вся нечисть лесная и водяная собирается в купальский хоровод и бывает особенно буйна и громка»¹. Из своего «чудесного» рождения, «чудесного» детства Ремизов создает целый апокриф, отраженный в книге воспоминаний «Подстриженными глазами». Апокрифом стало и место рождения – Москва (родился в Замоскворечье, в Большом Толмачевском переулке, в старомосковской купеческой семье второй гильдии купцов Ремизовых и Найденовых). Яркая, громкая, искренняя, любимая Москва всегда прямо или косвенно противопоставлена писателем Петербургу. Прожив в столице долгое время, он всегда сохранял верность родной Москве, а чувство, связывающее его с Петербургом, было неоднозначно, и его можно было бы назвать «любовь – ненависть».

Учился на естественном отделении Московского университета, изучал филологию... В 1896 году на студенческой демонстрации, посвященной годовщине Ходынки, вступился за разгоняемых полицией девушек и «надел кандалы» – был сослан в Пензенскую губернию. Участвовал в подпольном революционном движении, распространял и перевозил листовки (это будет использовано позже как материал в его произведениях, об этом он смешно и грустно напишет в повести «Плачущая канава»², «передав» кое-какие автобиографические факты одному из героев – Тимофееву). За прокламации Ремизов был выслан в традиционное место ссылки российской интеллигенции – в Вологодскую губернию. В ссылке он познакомился со многими будущими знаменитостями, в том числе с Бердяевым, Луначарским, Савинковым, Щеголевым (впоследствии видным пушкинистом), а также со своею будущей женой – Серафимой Павловной Довгелло (она стала мудрой и терпеливой спутницей всей его сложной жизни). В ссылке Ремизов состоялся как писатель, и в 1905 году, после двух лет скитаний по России, когда истек срок запрета на посещение столицы, он приехал в Петербург с рукописью романа «Пруд».

Судя по письмам Ремизова, он приехал в Петербург, как на чужбину, для того, чтобы начать все заново, и сразу же включился в бурную литературную и театраль-

¹ Алексей Ремизов о себе // Ремизов А. М. Избранное. Л., 1991. С. 548.

² Другие авторские названия – «Ров львиный», «Канава». Под названием «Канава» повесть далее цитируется по изданию: Ремизов А. М. Избранное. Л., 1991. С. 389 – 546. Названия повторно цитируемых произведений Ремизова указываются в тексте курсивом.

ную жизнь города. Отдельные ее описания впоследствии сложились в посмертно изданную книгу «Встречи. Петербургский буерак».

Все 16 лет пребывания Ремизовых в Петербурге им сопутствовала «бездомность». Материальные обстоятельства заставляли кочевать по городу. В самом начале, в 1905 году, писатель устроился «домовым» при журнале «Вопросы жизни», тут же печатались первые главы его романа «Пруд». Ремизов шутя называл редакцию «Колонией» – колонией бывших ссыльных переселенцев: здесь, в доме 10 по Саперному переулку, работали также вернувшиеся из ссылки Г. Чулков и Н. Бердяев. В том же 1905 году редакция переехала на 7-ю Рождественскую (Ремизовы были определены на 5-ю), а когда в 1906 году журнал перестал выходить и печатание романа прекратилось, они вынуждены были переехать на Кавалергардскую, 8 – в достраивающийся дом Пундика («просушивать стены», как пишет Ремизов), затем сняли комнату в доме № 21 по Загородному проспекту. Вспоминая это время в «Кукхе», Ремизов писал, что устроиться на работу никуда не удавалось, «о издании книг нечего было думать», и в таком положении случилось даже принимать участие в переписи автомобилей и собак.

Жизнь в этих комнатах пронзительно проступает в дарственных надписях, сделанных Ремизовым на книгах, подаренных жене. Вот на сборнике сказок «Посолонь» писатель обращается к Серафиме Павловне: «... Память большая, – начало. Помнишь, деточка, Кавалергардская ул., когда вышла книга. И у меня запало в память. Эта книга и ты сидишь (это уж в день отъезда) и плачешь – “есть хочется”! А я на склад ездил, наши вещи сдавал, вот вернулся – Алексей Ремизов». На другой книге – о комнате на Загородном: «... Помню, жили на Загородном в комнате. <...> Помню, в комнате тяжело было особенно в праздник, – когда к хозьяев приходили гости. Как в темнице сидели. Ты, деточка, тогда все плакала...»³.

Издание книги «Чертов лог и полуночное солнце» и романа «Часы» позволило Ремизовым в 1908 году переехать из печально вспоминаемой комнаты на Загородном («Загородной тюрьмы») в небольшую квартиру в доме № 9 по Малому Казачьему переулку («Здаютца кварталы» – эту саженную надпись можно было увидеть тогда на брандмауэре дома). Здесь написана, пожалуй, самая знаменитая из петербургских повестей Ремизова – «Крестовые сестры». Будут еще Таврическая, д. 3-В; Песочная, д. 8, где Ремизов напишет повесть «Плачужная канава»; будут 14-я линия, д. 31 на Васильевском острове и Троицкая, д. 4, отраженные в романе «Взвихренная Русь».

Мы подошли к главной особенности творчества Ремизова, которая ярко проявилась в его «петербургских» произведениях – их автобиографичность. Писатель объяснял такую природу своего творчества тем, что ему легче говорить от своего «я» не потому, что он творчески бессилён, а потому, что именно так ему «поется».

Многие события, участниками которых Ремизов делает себя или своих героев, могли быть почерпнуты им из городской хроники, из газет. «... Ремизов упоенно пользуется услугами хроникеров, повторяя <...> то истории с выигрышными билетами, то анекдоты о босяках, которые едят за рубль целую крысу, то о бабе, которую заперли на чердаке...», – пишет его современник-рецензент⁴. Все эти сюжеты действительно присутствуют в повести «Крестовые сестры», но при этом художественно переоцениваются и поднимаются на невероятную символическую высоту.

³ Волшебный мир Алексея Ремизова : Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16 – 17.

⁴ Цит. по: Данилевский А. А. A realioribus ad realia // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 781. С. 99 – 100. Там же см. обзор рецензий, прямо указывающих на конкретные жизненные ситуации, нашедшие отражение в повести.

Мы можем говорить также о прямой топографической связи «петербургских повестей» Ремизова с теми местами, где он жил. Персонажи его обретаются в том же пространстве, что и их создатель, ходят по тем же улицам. Мы можем зрительно сопровождать Маракулина, Будылина, Галузина в их блужданиях по Петербургу, связывая кружение по городу с кружением их душ.

В «Крестовых сестрах» среди действующих лиц – Бурков двор, огромный доходный дом, который одной своей стороной выходит на Фонтанку, другой – на М. Казачий переулоч. Здесь с 1908 по 1910 год Ремизовы снимали квартиру. А потому в повести часто упоминаются Фонтанка, Загородный, Гороховая, Сенная, Садовая, и еще шире – Владимирский, Кузнечный, Невский, Литейный, Адмиралтейство, Александровский сад, Сенатская площадь, где, как некогда бедный Евгений, бедный Петр Алексеевич Маракулин обращается к своему царственному тезке и говорит о несчастной жизни людей в построенном Петром парадизе.

Персонаж повести «Канава» тоже живет по ремизовскому адресу: «Жил Антон Петрович [Будылин] на Таврической в двух шагах от Заячьего переулка», «С Биржевкой и коробкой пряжинской смеси <...> поднялся Антон Петрович к себе на верхотуру». В воспоминаниях «Встречи. Петербургский буерак» Ремизов пишет: «Наша новая квартира на Таврической в новом доме архитектора Хренова, восьмой этаж...»⁵. Здесь писатель проживал с 1911 по 1913 год, а потому главными в повести являются близлежащие Суворовский проспект, Пески и Невский.

Другой пласт автобиографического заключается в том, что Ремизов преобразует в элементы содержания художественных произведений реалии своего существования в культурной среде Петербурга. Исследователи творчества писателя указывают, что он пользуется при этом приемом «снижения» – переводит факты своей писательской биографии на язык бытовых отношений и житейских ситуаций. Например, в «Крестовых сестрах» чиновника Маракулина уволили, обвинив в воровстве, а внутренним толчком к написанию повести послужило несправедливое обвинение Ремизова в литературном плагиате, что также в какой-то мере лишило его возможности заработка. В повести «Канава» образ главного героя Будылина, который олицетворяет идейные поиски петербургской интеллигенции, тоже «снижается» – Ремизов делает его мелким служащим страховой конторы... Так и в бурковском жителе, содержателе углов Горбачеве («Крестовые сестры»), богомольном, окуривающем ладаном все углы и ругающем посмеивающихся над ним ребятишек – «Времена созрели, исполнилась чаша греха, наказание близко, я всех вас, шельмецов, перевешаю на веревочке!»⁶ – сведущий читатель мог узнать Мережковского с его «апокалипсическими чаяниями». Подобной художественной операции подверглись и другие деятели искусства той поры.

Еще одна важная особенность творчества Ремизова, ярко проявившаяся в петербургских произведениях – его особое отношение к снам, сновидениям. В своем интереснейшем исследовании «Огонь вещей», посвященном значению снов в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, он говорит: «В снах не только сегодняшнее – обрывки дневных впечатлений, недосказанное, недодуманное; в снах и вчерашнее – засевшие неизгладимо события жизни и самое важное: кровь, уводящая в пражизнь; но в снах и завтрашнее – что в непрерывном безначальном потоке жизни отмечается как будущее, и что открыто через чутье зверям,

⁵ «Встречи. Петербургский буерак» – цитируется по изданию: Ремизов А. М. Огонь вещей. М., 1989. С. 301 – 497.

⁶ «Крестовые сестры» – цитируется по изданию: Ремизов А. М. Избранное. М., 1978. С. 194 – 311.

а человеку – предчувствием...»⁷. Каждое утро Ремизов записывал свои сны. Они органично входят в книгу воспоминаний «Взвихренная Русь», проявляют тайный смысл происходящего в повести «Корявка», наконец, в «Крестовых сестрах» сны – обличители Петербурга. Город раскрывается в них как причина страданий и безысходного существования героев.

У Ремизова нет конкретных «архитектурных» описаний Петербурга. Восприятие писателем города – это восприятие человека, погруженного в себя, мало что замечающего вокруг. Взгляд Ремизова обращен внутрь и близорук. Он действительно был очень близорук, но в детстве не знал об этом, и так как предметы двоились, троились, ему казалось, что они живые, из них выходят некие существа – он называл их «испредметники»; на уроках рисования мальчик получал самые низкие оценки, изображая, по мнению учителей, нечто чудовищное. Лишь позже догадались, что Алеша Ремизов очень плохо видит, и ему нужны очки... А потому не детали городского ландшафта, а более общее природное ощущение города присуще Ремизову.

На страницах его произведений мы встречаемся с описаниями так любимого писателем «желтого неевского тумана», дождя, ветра, к которому у Ремизова особое отношение, связанное с понятиями истории и времени («... теперь я полюбил ветер – “вей” – я его почувствовал, как когда-то звезды. И душа моя к нему – и через него моя связь со всем миром»⁸). Ремизову присуще очень чуткое восприятие состояния петербургской погоды, которая может определить все мироощущение, все состояние мира сегодня: «День несолнечным пасмурьем успокаивал мои слепые глаза, и на душе теплилось кротко» (*Взвихренная Русь*); «День выдался особенный, только в Петербурге такое бывает. После вчерашнего дождя, тумана, когда не видишь перед носом, и по улицам идут наугад безликие тени, сегодня с моря подул ветер, и вдруг все переменялось. Солнце. И Невский – единственный – выполощенный, вычищен, блестит. Я шел по каким-то бедовым делам, наслаждаясь, вбирая в себя этот блеск. Невский под солнцем после дождя!» (*Встречи. Петербургский буерак*).

Связь с городом в произведениях Ремизова осуществляется через название, топос. Писателю важно – где, на какой улице произошла встреча или пришла мысль, важно ощущение духа, «гения места». «Как-то шли мы в Петербурге с Шестовым по Караванной и разговаривали на философские темы...» (*Огонь вещей*) – типичнейшая фраза Ремизова, обычно предваряющая какую-нибудь историю. Петербург присутствует своими улицами, домами, мостами, реками, а так же случайно услышанными фразами, которые влияют на направление мысли, настроение писателя: «Я проходил по набережной – Нева идет! И все смотрю – не я один: стоят на мосту, смотрят –

– Нева идет!

И отчего это глядишь, не оторвешься, когда “пошла река”?

А когда у нас все установится и настанет тишь да гладь – “быт” – ведь, пожалуй, скучно будет!» (*Взвихренная Русь*).

Петербургский герой Ремизова представляет собой интереснейший сплав автобиографического и вымышленного. В жизни Ремизов не любил, чтобы было «сурьезно», потому трагедия в его повестях замешана на гротеске и приправлена

⁷ «Огонь вещей» – цитируется по изданию: Ремизов А. М. Огонь вещей. М., 1989. С. 37 – 230.

⁸ «Взвихренная Русь» – цитируется по изданию: Ремизов А. М. Взвихренная Русь. М., 1991. С. 216 – 533.

фарсом. «Петербургский мечтатель» начала XX века (в отличие от века XIX-го) более приземлен и рационален. Так, мечтая жениться на Павочке, герой повести «Корявка» занимается тем, что бесконечно присматривает квартиру для будущего семейного гнездышка, а также и обстановку к ней. «Петербургский мечтатель» Ремизова смешон и слаб, похож на всех, ведет вполне «насекомую жизнь» («насекомая жизнь» Петербурга – одна из тем писателя), пока не случается с ним роковая случайность, отделяющая его от мира людей: ему отказывают от места или он безумно влюбляется (иногда и то, и другое вместе). Эти незакономерные закономерности, «нечаянности-несчастья» становятся, среди прочего, испытанием для главных персонажей Ремизова, предметом их размышлений. По Ремизову, Петербург создает определенный тип героя и диктует определенный тип его поведения, повторяющийся во всех рассматриваемых произведениях. Все герои этих повестей принадлежат одному, самому «петербургскому» классу общества – чиновничеству. Все они через несчастный ли случай или несчастную любовь, через страдания преодолевают свою духовную несостоятельность.

За строчками петербургских повестей Ремизова всегда проглядывает его ироническая улыбка. Это в меньшей степени относится к истинно трагическим «Крестовым сестрам» и в большей – к повести «Корявка», которая представляется пародией на всю литературную идею Петербурга с неизменными ее атрибутами: разбушевавшейся стихией, Невой, страданиями мелкого чиновника и обманувшими его мечтами. У повести «двойное дно»: Ремизов серьезно и искренне сострадает гибнущему из-за каприза любимой девушки Галузину, но в автографе-посвящении издателю Е. А. Гутнову⁹ поставлен тот гротесковый акцент, в русле которого и должна восприниматься повесть: «И вот на Французской набережной, как сейчас вижу, Петр Иванович Галузин пробирается по бельэтажному карнизу и совсем налегке: в смокинге и без шляпы. Ничего не соображаю: почему, как и на такой высоте опасной очутился Петр Иванович?...». И далее: «... И вдруг увидел: в закрутившейся ветровой воронке Петр Иванович и опять, как там на карнизе, в смокинге и без шляпы...»¹⁰. Придавая особое значение шрифту и каллиграфии, Ремизов зачастую делал на своих книгах дарственные надписи, образующие особый жанр в его творчестве. Как указывает Н. Шаталина, «Ремизов придавал автографу на книге <...> особое значение, располагая его, как правило, подобно факсимиле на свободной странице шмуцтитула, авантитула, форзаца или даже на особых специально вклеенных в книгу листах». В некоторых изданиях автографы впоследствии становились неотъемлемой частью текста.

Петербург для Ремизова – место духовных и физических страданий людей, олицетворение безвозвратной гибели старой допетровской Руси с ее цельностью, книжностью, верою, старцами, особой духовной миссией. Этот Петербург, искусственно порожденный из идеи, мечты, открытый всем враждебным природным и идейным стихиям, сам порождает самые фантазмагорические, а иногда и самые античеловеческие идеи (например, желание героя повести «Канава», «европейца» Будылина, очистить землю «от только крущего, только гадящего, только смердящего человечества»).

Петербург – тема постоянного спора между Ремизовым и создателем города, спора-диалога, проходящего почти через все произведения писателя. В споре

⁹ Ремизов А. М. Корявка : Повесть. Берлин: Изд. Е. А. Гутнова, 1922.

¹⁰ Шаталина Н. Автографы на книгах как жанр творчества А. М. Ремизова // Алексей Ремизов : Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 243. См. также: Волшебный мир Алексея Ремизова : Каталог выставки.

о сущности Петербурга Ремизов примыкает к тем философам, поэтам и писателям, которые считали Петербург порождением дьявола, городом, обреченным на гибель. По силе враждебности и вредоносности Ремизов ставил преобразования Петра в один ряд с татарским нашествием. По его мнению, Петр, «дубинкой околота», искусственно европеизировал Россию и также «дубинкой забил глубоко в землю природный лад русской речи» (*Огонь вещей*). По Ремизову, Петербург – детище Петра – смешная пародия на Европу, попытка, оставаясь «сущей Вязьмой» (определение из «Крестовых сестер»), подражать всему иностранному в жизни, в искусстве, в развлечениях.

Вот в повести «Канавы» о развлечениях петербуржцев в начале XX века: «Под музыку, от которой выло на сердце, развлекались, прожигая ночные часы.

И то, что в прошлом году прошло в Берлине по части развлечений, повторялось, как новинка, в Петербурге – поплоче и победнее берлинского, конечно.

Вы заглядывали в Луна-парк? Помните все эти idiotские хождения по искривленным поверхностям, помните танцы диких? – Все это прошлогоднее».

Тем не менее, взгляд Ремизова на Петра и Петербург неоднозначен. Двойственность эта по-ремизовски символично отразилась в рассказе 1913 года «Спасов огонек», в котором писатель отвечает на вставший с новой силой перед петербургской интеллигенцией на рубеже веков вопрос: «Быть ли Петербургу пусту?». «В Петербурге Бога нет!» – признаюсь, и я так думал <...>. Я по-книжному гадал: Петербург на болоте стоит, всем известно, в Петербурге туманы, почитай, круглый год, и сам Петербург, что туман, – придет час, неожиданный и негаданный, и, как сон, все рассеется, одни болотные кочки останутся, какой уж там Бог! В Москве есть, в Киеве есть, в Ярославле и в Костроме есть, а в Петербурге нет, и вместо Бога туман.

Неужто только и останется болото, гнилое болото?

Стал я прислушиваться и среди народа нашего <...> услышал я совсем другой стих и другая слава о Петербурге шла:

Свет ты наш, преславный Питер – град,
Ты прибежище Христу был вертоград!

Как же так? Народ русский <...> всеми словами выговаривает, а мы туманы, болота, туманы видим, твердим о запустении, о пропаде нашем, одну гниль разглядели, огоньки болотные!»¹¹

Ремизов говорит о том, что в Петербурге Бог есть, пока есть спасительный «Спасов огонек» веры. (Спасов огонек – святой огонек свечи, который уносят с собой прихожане, расходясь по домам после Всенощной в Великий Четверг). По ходу повествования о посещении службы в Казанском соборе в рассказе возникают две символические пары: Богородица и отрекшийся от Христа апостол Петр из читаемого в храме Евангелия, и бабушка, сидящая «у стенки, прислонясь к краю образа», с внучком Петькой «под образом, на приступочке». Бабушка – один из главных образов Ремизова, олицетворение России, а ее детище – «пострел» Петька – как бы маленький Петр. И пока будет молиться бабушка за своего внучка (так же, как Богородица поможет Петру выбраться из его «плачужной канавы»), Петербургу не быть пусту.

¹¹ Ремизов А. М. Спасов огонек : Рассказ // Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 3. Оказион. С. 174 – 178.

Внучонок Петька, сначала «страшавший» бабушку, «что огонек у ней задует», но потом, к ее удивлению, смастеривший для свечки фонарик, перекликается с образом Петра I из «Взвихренной Руси». В главе «Петербург» с подзаголовком «Петрова память» Ремизов оценивает личность Петра положительно – его деятельность «взвихрила» не только «Святую Русь», но и то, что в ней было косного, нездорового: «лежебок вскнутнет, лодарей за шиворот в работу, с таким несметным богатством – Россия! – это не то что Голландия или там – только бы мастеров, и все на работу! и все можно – города, дворцы, мосты». Опираясь на исторические материалы (возможно, и на «шестьдесят семь Петровских рапортов», хранившихся в собрании Ремизова, о чем он упоминает в хронике «Подстриженными глазами»), писатель рассказывает в этой главе о первых постройках Петербурга, о строительстве Петергофа, а главное – о тех безвестных мастерах, чей талант смог проявиться только в петровское время. Он воссоздает тот дух созидания и строительства, который исходит от Петра и не исчезает после его смерти: «Петровский упор необычаен – надолго хватит.

Это – “воля к деянию” такая страсть – действует и тогда, если даже сам-то человек, онегожен, действует и после смерти.

Петровские мастера – люди такой страсти, отчасти и зараженные или, вернее, замороженные Петром, его необычайным упором и кипью работы: страсть к работе заразительна, как и противоположность ее – праздная тля».

От полного отторжения Петра I в ранних произведениях Алексей Михайлович Ремизов приходит во «Взвихренной Руси» (быть может, перед лицом более страшного «взвихрения», чем петровское) к повороту – принятию его, замирению и даже к связанной с его образом надежде на воскрешение: «Безумный ездок! Хочет прыгнуть за море из желтых туманов, – он сокрушил старую Русь, он подымет и новую из пропада».

Там же, во «Взвихренной Руси», пишет Ремизов, что Петербург он «с первого дня полюбил». Он полюбил этот город за творческое кипение, за то, что здесь бродит дух его любимых Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, за мотив «Человек человеку дух утешитель». Этот главный мотив, несмотря на все страдания, и даже благодаря им, проходит через петербургские повести Ремизова «Канавы», «Крестовые сестры» и роман-хронику «Взвихренная Русь».